
ЦИФРОВАЯ СРЕДА

Анализ «третьей миссии университетов» в разрезе образовательных рисков цифрового неравенства

УДК 316.4

DOI 10.26425/2658-347X-2022-5-1-54-63

Получено 06.12.2021

Доработано после рецензирования 20.01.2022

Принято 14.02.2022

Воеводина Екатерина Владимировна

Канд. социол. наук, доц. департамента социологии, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Финуниверситет), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-6131-8301

SPIN-код: 3567-6090

E-mail: ekaterinavoevodina@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В статье проанализирована «третья миссия университетов», под которой понимается набор социально-значимых функций, направленных на развитие личности и общества, в том числе в локальном (региональном) фокусе. Актуальность исследования обусловлена наличием цифрового разрыва – социального феномена, проявляющегося в неравномерном развитии и использовании цифровых технологий населением, в зависимости от территориальных и социально-демографических характеристик. Цифровой разрыв в контексте российской действительности рассматривается как один из видов образовательного риска, особенно относительно социально-уязвимых слоев населения. Отмечено, что университеты могут стать проводниками цифровых трансформаций, способствуя инклюзии групп риска в цифровом обществе. Результаты исследования с применением качественно-количественного анализа документов – интернет-сайтов российских вузов, их нормативно-правовой документации, затрагивающей вопросы «третьей миссии», позволили заключить, что

основной ориентацией университетов становится развитие доступного онлайн-образования, массовых открытых образовательных курсов и обучение цифровым профессиям. Последнее подтверждается анализом рейтингов «Три миссии университета» (MosIUR) за 2020–2021 гг. Широкое распространение получают образовательные программы, направленные на овладение цифровыми профессиями социально-уязвимыми слоями населения – они охватывают людей пенсионного и предпенсионного возраста, безработных, матерей с детьми дошкольного и школьного возраста. Такие программы предусматривают систему бюджетного финансирования и софинансирования, однако не учитывают региональный фактор, влияющий на уровень цифровизации, а также материальное благополучие населения. Сделан вывод о необходимости расширения перечня граждан, имеющих право на льготное обучение по указанным программам, прежде всего, малоимущих, жителей небольших населенных пунктов на периферии, кризисных регионов.

Ключевые слова

Высшее образование, третья миссия университетов, цифровое неравенство, образовательный риск, инклюзивная образовательная среда, цифровизация образования, цифровые компетенции, социальные функции университета

Для цитирования:

Воеводина Е.В. Анализ «третьей миссии университетов» в разрезе образовательных рисков цифрового неравенства // Цифровая социология. 2022. Т. 5, № 1. С. 54–63.

© Воеводина Е.В., 2022.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

DIGITAL ENVIRONMENT

Analysis of the “Third mission of universities” in the aspect of digital divide’s educational risks

Received 06.12.2021

Revised 20.01.2022

Accepted 14.02.2022

Ekaterina V. Voevodina

Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Financial University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-6131-8301

SPIN-код: 3567-6090

E-mail: ekaterinavoevodina@yandex.ru

ABSTRACT

The article analyses the “Third mission of universities”, which is understood as a set of socially significant functions aimed at the individual and society development in a local (regional) focus. The relevance of the study is caused by the digital divide – a social phenomenon that manifests itself in the uneven development and digital technologies use by the population, depending on territorial and socio-demographic characteristics. Digital divide in the context of Russian reality is viewed as one of the types of educational risk, especially in relation to socially vulnerable population segments. It has been noted that universities can become “conductors” of digital transformations, they can contribute to the inclusion of people from “risk groups” into the digital society. The results of the study using the method of qualitative and quantitative documents analysis – Internet sites of Russian universities, their legal and regulatory documentation addressing the “third mission” have

allowed us to conclude that Russian universities are focused on online education, massive open educational courses and training in digital professions. This circumstance is confirmed by the ratings analysis “Three University Missions” (MosIUR) in 2020–2021. Educational programs aimed at mastering digital professions for socially vulnerable population groups are becoming widespread – they cover people of retirement and pre-retirement age, the unemployed, mothers with “small” children. Such programs provide for a budgetary financing system and co-financing. However, the regional factor that affects the digitalisation level of the population, as well as its material well-being, is not taken into account. Hence, it has been concluded that it is necessary to expand the citizens list eligible for preferential training in digital professions. They should include poor people, small settlements residents in the periphery, crisis regions.

Keywords

Higher education, third mission of universities, digital divide, educational risk, inclusive educational environment, digitalisation of education, digital competencies, social functions of the university

For citation

Voevodina E.V. (2022) Analysis of the “Third mission of universities” in the aspect of educational risks of digital divide. *Digital sociology*, vol. 5, no 1, pp. 54–63. DOI: 10.26425/2658-347X-2022-5-1-54-63

ВВЕДЕНИЕ / INTRODUCTION

Развитие современного общества невозможно отделить от цифровизации, охватывающей практически все сферы – от фундаментальной науки до потребительских онлайн-практик. В 2021 г. Организацией Объединенных Наций отмечается стремительный рост цифровых трансформаций, стимулированный пандемией COVID-19: по мнению экспертов, глобальный интернет-трафик в 2022 г. превысит весь интернет-трафик до 2016 г.¹ В свою очередь, такие тенденции актуализируют ряд вопросов, связанных с хранением, управлением, использованием цифровых данных, а также вовлечением населения в эти процессы. Риски новой социальной реальности, сопряженные с информатизацией и, теперь уже диджитализацией, были описаны еще задолго до ее кульминации – в работах У. Бека, Г. Маклюэна, Э. Тоффлера, А. Турены и др. Так, испанский социолог М. Кастельс акцентировал внимание на возможном социальном исключении части населения третьего мира в результате появления «новых форм вовлечения стран в глобальную экономику», сопряженную с развитием «высоких технологий» [Кастельс, 2000, с. 141].

Сегодня о таком исключении принято говорить, употребляя термин «цифрового разрыва» или «цифрового неравенства». В свою очередь, рассматривать это явление следует не столько с точки зрения технологии, сколько с учетом социального неравенства в широком контексте – как проявления регионального, социально-демографического, экономического и других стратификационных критериев. Неоднородность регионов в использовании населением информационно-коммуникативных и цифровых технологий, степени их внедрения получила название «цифрового регионализма» [Грошев, Краснослободцев, 2020]. Обращаясь к исследованиям инновационного центра «Сколково», отметим, что при анализе «цифрового разрыва», речь может идти о трех измерениях этого явления. Первый уровень характеризует неравенство доступа к цифровым сетям, второй – неравенство в цифровых компетенциях и способах использования технологий, а третий – приводит к выраженным социально-экономическим эффектам, характеризующимся усилением социальной поляризации. Цифровой разрыв второго уровня особенно ярко проявляется в региональном разрезе, и в отношении отдельных городов

он весьма существенен: так, значение индекса цифровой жизни городов-лидеров по данным «Сколково» (Краснодар и Екатеринбург) почти в 5 раз выше, чем у замыкающих городов (Магас, Назрань)². В более ранних работах, отмечается, что медианное отклонение индексов цифровизации регионов составляет 17–22 % [Александрова, 2019], а к числу причин, провоцирующих неравенство относят низкое качество связи, высокую стоимость услуг провайдеров и др. Особую группу риска составляют члены домохозяйств с низким доходом, жители отделенных сел и деревень, люди с инвалидностью, а также представители старших возрастных групп, которые не успевают адаптироваться к инновациям в силу социально-экономических причин и ограничений здоровья [Мещерякова, Роготнева, 2021].

В связи с изложенным выше одной из приоритетных задач социальной политики государства становится создание благоприятного инклюзивного климата, снижающего риски цифрового неравенства, что отчасти воплощается в приоритетных национальных проектах Российской Федерации, таких как «Образование», «Демография», «Цифровая экономика». Отдельная роль здесь отводится университетам – так, с 2019 г. Министерством цифровизации совместно с сетевым Университетом 2035 реализуется ряд образовательных программ для освоения россиянами из групп риска «цифровых профессий». В 2020 г. такие программы предлагали 109 организаций-партнеров, а в 2021 г. – более двух сотен³. Целью нашего исследования является анализ роли университетов в преодолении цифрового неравенства, в том числе в рамках социальных функций, которые в последние годы принято относить к «третьей миссии».

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР / LITERATURE REVIEW

Понятие «третьей миссии» в настоящее время входит в научно-практический оборот в совокупности с такими категориями, как «устойчивое развитие», «корпоративная социальная ответственность». В широком смысле сюда можно отнести деятельность университетов, напрямую или косвенно направленную на решение социальных и экономических проблем, особенно – локальных, что придает особую значимость в реализации этой функ-

¹ *United Nations Conference on Trade and Development* (2021). Digital economy report. Cross-border data flows and development: from whom the data flow. Режим доступа: https://unctad.org/system/files/official-document/der2021_en.pdf (дата обращения: 23.11.2022).

² МШУ «Сколково» (2020). Цифровая жизнь российских регионов 2020. Что определяет цифровой разрыв. Режим доступа: https://iems.skolkovo.ru/downloads/documents/SKOLKOVO_IEMS_Research_Reports/SKOLKOVO_IEMS_Research_Digital_life_of_russian_regions_2020-06-09_ru.pdf (дата обращения: 23.11.2021).

³ *Университет 2035* (2021). Получи новую цифровую профессию при поддержке государства. Режим доступа: <https://цифровыепрофессии.рф/> (дата обращения: 23.11.2021).

ции региональным вузам. На последнее, в частности, обращают внимание М. Мархл и А. Паусистс [Marhl & Pausits, 2011], отмечая, что университеты должны быть ориентированы на потребности местных сообществ, участвуя в социальной жизни города и региона. Среди критериев, позволяющих оценить степень реализации «Третьей миссии», они, опираясь на PRIME OUE Project, выделяют: 1) человеческие ресурсы; 2) интеллектуальную собственность; 3) коммерциализацию результатов научных исследований; 4) контракты с производством; 5) контракты с государственными заказчиками; 6) участие в процессах принятия решений; 7) интеграцию в социальную и культурную среду; 8) трансфер знаний в общество и ряд других.

В работе А. Зомера и П. Беннуорта [Zomer & Benneworth, 2013] отмечается, что интерес к «третьей миссии» обусловлен политическими факторами, а именно осознанием государственными структурами инновационной «силы» университетов, что подталкивает их к более активной социальной деятельности. Кроме того, меняется сам характер знаний, порождая новые формы сотрудничества университетов с населением, государством и бизнесом. В целом, концептуализация «третьей миссии» сводится к широкому набору социальных функций университета – от преподавания, исследований и информационно-просветительской деятельности до социальных обязательств, устойчивого развития, инноваторской и предпринимательской деятельности [David, 2018]. «Третью миссию» можно представить как «социальное служение» университетов в чрезвычайно широком контексте. Согласно Т. Паркеру [Parker, 2018], цифровизация в образовании во многом способствовала расширению его доступности, и соответственно реализации «третьей миссии», например, Университет Феникса обучает по онлайн-программам свыше 400 000 студентов, что, по мнению «скептиков», может привести к подрыву «традиционной образовательной системы». При этом Т. Паркер, отмечает, что, несмотря на такие риски, общество нуждается в «широкой» системе образования, «которая использует множество образовательных инструментов для помощи и охвата всех социальных вопросов». Объединение возможных функций, упомянутых в источниках в качестве «третьей миссии», по набору ключевых слов (тегов) представлено на рисунке 1.

Анализируя «третью миссию» в разрезе цифрового неравенства, отметим, что университеты могут выступать «проводниками» цифрового образования и инноваций. Однако, их возможности неоднородны, что обусловлено

обозначенными выше региональными различиями цифровой инфраструктуры. В числе причин можно отметить особенности управленческой политики органов местного самоуправления, не в полной мере использующей ресурсы цифровизации [Василенко, Зотов, 2020].

Составлено автором по материалам исследования /
Compiled by the author based on the research materials

Рис. 1. Облако тегов «Третья миссия университета»

Figure 1. Tag cloud "The third mission of the university"

Пандемия COVID-19 обострила имеющиеся риски, сопряженные с цифровизацией образования. Значительная часть обучающихся столкнулась в этот период с финансовыми проблемами, отсутствием техники для удаленного обучения [May (ред.), 2020]. В более ранних исследованиях, отмечался недостаточный уровень знаний цифровых технологий среди сотрудников университетов – так, уровень владения облачными сервисами среди преподавателей составлял 65 %, «большими данными» – 31 %, когнитивными технологиями – 0 % [Стрекалова, 2019, с. 84]. В этой связи можно говорить об отдельной группе образовательных рисков, связанных с цифровым неравенством. В работе П.Е. Щеглова, Н.Ш. Никитиной представлено понимание риска как «возможности возникновения потерь, вытекающей из специфики тех или иных явлений природы и видов человеческой деятельности» [Щеглов, Никитина, 2003, с. 53]. Такой подход открывает перспективы анализа рисков с точки зрения множества стейкхолдеров, вовлеченных в образовательное пространство – обучающихся, представителей университетской среды, бизнеса, органов местного управления и населения в целом, что соответствует концепции «третьей миссии университетов». Интересы и ожидания этих сторон не всегда могут быть известны друг другу, кроме того – их ожидания отличны. По нашему мнению, ключевой спецификой рисков в образовании является учет их взаимосвязанности, поскольку

деятельность (либо ее отсутствие) одного участника отражается на деятельности другого и наоборот. К примеру, слабая заинтересованность бизнеса и местного сообщества в развитии партнерства с университетом может порождать риски, как для вузов, так и для бизнеса, самого местного сообщества и государства в целом – в силу недостатка квалифицированных специалистов и стагнации общественного прогресса. Завершая анализ, отметим, что под образовательными рисками следует понимать спектр взаимосвязанных факторов, которые способны оказывать взаимное влияние друг на друга, а также на результативность социализации и адаптации индивидов в цифровом обществе как заинтересованных сторон в повышении образовательного потенциала.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ / METHODS

В статье представлены результаты поискового исследования с применением качественно-количественного анализа документов – интернет сайтов российских университетов. В выборку включены 100 российских вузов, вошедших в рейтинг агентства RAEX (РАЭК-Аналитика) в 2021 г. «Топ-100 вузов России»⁴. Этот выбор обусловлен дальнейшей необходимостью обобщения лучших практик университетов-лидеров. Поскольку, цель исследования заключалась в анализе «третьей миссии» в аспекте преодоления цифрового неравенства, нами было выделено 5 основных показателей: 1) наличие подразделений, ответственных за цифровую трансформацию инфраструктуры университета; 2) наличие образовательных программ, охватывающих подготовку кадров для цифровой экономики (цифровых профессий); 3) наличие программ «удаленного» обучения в онлайн (учитывая все уровни образования, включая переподготовку и повышение квалификации); 4) вовлеченность университета в массовые онлайн-курсы на платформах Coursera и «Открытое образование»; 5) наличие образовательных программ, ориентированных на социально-уязвимые группы населения – лиц пенсионного и предпенсионного возраста, людей имеющих инвалидность, безработных, малоимущих граждан, женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком и др. Анализ сайтов проводился в октябре 2021 г., дополнительно были проанализированы нормативно-правовые документы российских университетов-лидеров рейтинга «Три миссии университета» (далее – MosIUR).

⁴ RAEX (2021). Топ-100 вузов России. Десятый юбилейный рейтинг. Режим доступа: https://raex-rr.com/education/universities/rating_of_universities_of_russia#table (дата обращения: 23.11.2021)

В качестве вторичных данных анализируются отчеты Московского международного рейтинга MosIUR, и результаты проекта «Рождение российской магистратуры» осуществленного исследовательской группой Института образования НИУ «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) при участии автора статьи (2018–2019 гг., анкетный опрос по квотной выборке преподавателей магистратуры, $n = 713$, и обучающихся магистратуры, $n = 1\,140$).

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ / RESULTS AND DISCUSSION

Исходя из данных рейтинга MosIUR, наблюдается рост массовых онлайн-курсов (далее – МО-ОК) российских вузов в «пандемийные» 2020 г. и 2021 г. В методологии рейтинга этот критерий обозначается как «количество массовых открытых онлайн-курсов, размещенных на крупнейших глобальных платформах» и измеряет «вклад вуза в доступное онлайн-образование». В частности, рост МООК среди университетов составил 77 %, а лидерами стали НИУ «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), «Санкт-Петербургский государственный университет» (СПбГУ), «Московский физико-технический институт» (МФТИ)⁵. При этом СПбГУ и МФТИ, наряду с Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова вошли в топ-100 наиболее сильных участников рейтинга из 1 650 университетов в 2021 г., а по росту МООК Россия опередила Европейские страны и Канаду, уступив первенство Китаю и США. В 2021 г. отмечался также рост «информационной прозрачности» университетов, а годом ранее фиксируется рост интернет-аудитории к их деятельности – увеличение притока пользователей вузовских сайтов более, чем наполовину (69 %) ⁶. Этот показатель определяется в MosIUR, как «востребованность обществом» и измеряется количеством аудитории сайта вуза. Но, на наш взгляд, необходимо учитывать, что в период пандемии многим университетам пришлось размещать на сайте организационную, справочную и учебно-методическую информацию – расписание, учебные материалы и др. Это позволяет предположить, что рост аудитории обусловлен притоком своих же студентов и сотрудников, в связи с чем трактовка показателя как «востребованности обществом» может приводить к поспешным выводам. В этом ключе интересно, что по другому

⁵ RAEX (2021). Московский международный рейтинг вузов «Три миссии университета». Режим доступа: <https://raex-rr.com/files/analytics/TMU2021.pdf> (дата обращения: 23.11.2021).

⁶ Там же.

показателю – «количество подписчиков аккаунта университета в социальных сетях», измеряющему «коммуникации в соцсетях», российские вузы находятся в числе «аутсайдеров».

Таким образом, анализ MosIUR относительно цифрового вклада университетов в социальное развитие демонстрирует положительную динамику, что особо значимо в разрезе MOOK. При этом двумя годами ранее, в рамках опроса преподавателей по проекту «Рождение российской магистратуры» был зафиксирован низкий процент использования онлайн-курсов региональными вузами – менее 11,57 % на зарубежных и российских платформах. Само отношение студентов к такой форме обучения было неоднозначным, только 51,8 % опрошенных магистрантов тогда были готовы к частому использованию этой практики [Воеводина, 2019]. Кроме того, были зафиксированы различия в сформированности цифровых компетенций у студентов магистратуры в зависимости от регионального фактора. Студенты из менее «продвинутых» в плане цифровизации регионов (Карачаево-Черкесская Республика, Ингушетия, Калмыкия, Адыгея), отмечали у себя недостаточность цифровых компетенций, в сравнении со студентами из «высокоцифровых» федеральных округов – Центрального, Уральского и Приволжского.

Анализ нормативно-правовой документации университетов из рейтинга RAEX показывает, что отдельный документ, посвященный конкретно «третьей миссии», разработан далеко не во всех вузах. Здесь выделяется НИУ ВШЭ, имеющая отдельное структурное подразделение «Центр реализации третьей миссии университета», которая впервые представила отчет о ее реализации в 2020 г. Однако было бы ошибочно полагать, что университеты не включены в социально-ориентированные практики. Несмотря на отсутствие в их нормативно-правовых регуляторах конкретного понятия «третьей миссии», она реализуется через «общие» социально-значимые цели в уставах вузов, что наглядно представлено на примере университетов-лидеров MosIUR (рис. 2).

«Специальные идентификаторы», закрепляющие только цифровую часть «третьей миссии», как правило, не отображаются в уставной документации, а «растворяются» в общих целях. Из трех университетов-лидеров, по версии MosIUR, только МФТИ закрепляет уставную цель, ориентированную на информационное обеспечение. Придерживаются «широкого» подхода к «третьей миссии» и зарубежные университеты. Например, Венский университет, выделяет в качестве приоритета «трансфер технологий и инноваций в форме сотрудничества с государственными и частными предприятиями», а также «целевое использование

Составлено автором по материалам исследования / Compiled by the author based on the research materials

Рис. 2. Идентификаторы «третьей миссии» в нормативно-правовой базе университетов-лидеров MosIUR

Figure 2. Identifiers of the "Third Mission" in the regulatory framework of the universities MosIUR

и передачу академических знаний для решения различных социальных проблем»⁷.

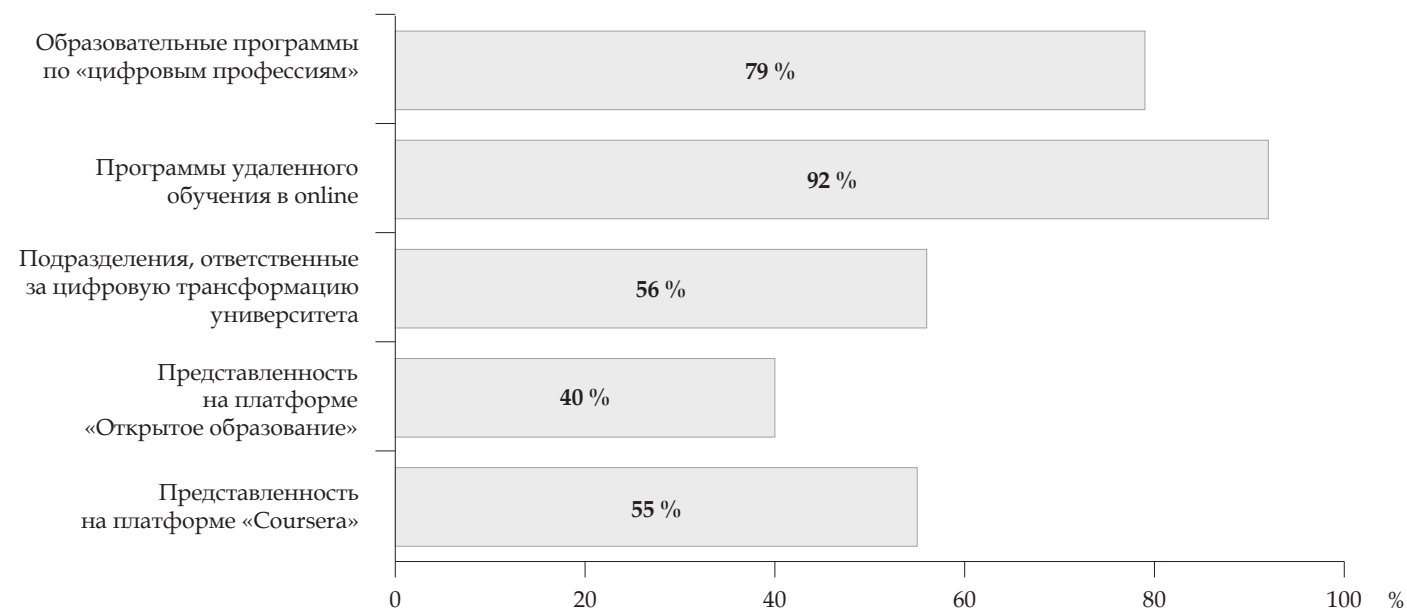
Обращаясь к первичным данным – анализу веб-сайтов 100 российских вузов, вошедших в рейтинг RAEX, отметим, что информация, размещенная в открытом доступе, позволяет говорить о достаточно активной трансформации университетов с учетом тренда на цифровизацию. Так, 56 % вузов разместили информацию об имеющихся подразделениях, направленных на цифровую трансформацию и информатизацию университета. Подавляющая часть – 92 % вузов предлагают программы удаленного обучения с использованием онлайн-технологий, особенно это касается курсов повышения квалификации и переподготовки с применением дистанционных образовательных технологий. При этом часть таких программ все же реализуется посредством самостоятельной работы обучающихся в образовательных LMS-системах (Learning Management System), чаще всего MOODLE, и по факту включает небольшое количество часов в онлайн. Представленность MOOK анализируемых вузов на платформе Coursera достигает 55 %, «Открытом образовании» – 40 %, при том, что свыше 30 % университетов имеют свои платформы с открытым доступом для пользователей.

Большинство университетов (79 %) предлагают профессии, связанные с цифровым миром, примечательно, что гуманитарные университеты быстро подстраиваются под тренд через цифровую гуманитаристику (Digital Humanities), вводя новые программы, такие как, например,

⁷ Universität Wien (2021). Universities' Third Mission. Режим доступа: <https://thirdmission.univie.ac.at/en/> (дата обращения: 23.11.2021).

«Цифровая филология». Наиболее значимые стратегии университета, относящиеся к мерам «сглаживания» цифрового неравенства, помимо MOOK – «цифровые стажировки» для сотрудников и обучающихся региональных вузов. Их можно рассматривать как способ передачи инновационного опыта и лучших практик вузов-лидеров с помощью информационных технологий. Однако пока такой формат образовательных продуктов, судя по доступной информации с веб-сайтов, широко представлен только в НИУ ВШЭ.

Мы уже упоминали о том, что университеты активно участвуют в реализации сетевых программ дополнительного образования по профессиям, востребованным в цифровой экономике (Университет 2035). Данные программы направлены на трудоспособных граждан РФ от 16 лет, имеющих среднее профессиональное или высшее образование и предполагают государственное софинансирование обучения в размере 50 %. Другой пул программ в онлайн реализуется в рамках федерального проекта «Содействие занятости» для безработных граждан, граждан предпенсионного возраста и лиц старше 50 лет, а также женщин, находящихся в отпуске по уходу за детьми. Однако в группе риска цифрового неравенства находятся и другие социально-уязвимые слои населения – малоимущие, жители небольших населенных пунктов на периферии, население «депрессивных» и кризисных регионов [Бан-ных, 2020]. Такие социальные группы гораздо реже включены в цифровое пространство. В связи

Составлено автором по материалам исследования / Compiled by the author based on the research materials

Рис. 3. Результаты анализа интернет-сайтов университетов, вошедших в ТОП-100 RAEX

Figure 3. Results of the analysis of websites of TOP-100 RAEX-universities

с этим важно внедрять программы, направленные на сглаживание «второго цифрового разрыва», в том числе для населения регионов с низкими показателями цифровизации. Требуется цифровая трансформация самих территорий, местного самоуправления, где «третья миссия» университетов может рассматриваться как часть парадигмы PublicValueManagement [Василенко, 2018]. Сглаживание цифрового разрыва, таким образом, может быть рассмотрено через призму достижения общесоциального блага и социальной справедливости.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ/ DISCUSSION

Цифровое неравенство – социальный феномен, характеризующийся неравномерным развитием и использованием информационно-коммуникативных технологий населением, в зависимости от территориальных и социально-демографических характеристик. Цифровизацию здесь следует рассматривать как «системно-деятельностный процесс овладения информацией как ресурсом управления и развития с помощью технических средств и цифровой инфраструктуры», с целью дальнейшего развития цивилизации [Василенко, Мещерякова, 2021]. Поскольку сегодня как никогда является актуальной повестка справедливой глобализации и инклюзивной экономики, сглаживание цифрового разрыва становится необходимой задачей. «Третья миссия» университетов может рассматриваться как стратегия подготовки кадров с учетом локальных потребностей, где вузы могут способствовать росту цифровой грамотности населения, овладению цифровыми профессиями. «Третья миссия» университетов в настоящее время реализуется за счет массовизации онлайн-образования, интеграции MOOK,

программ содействия занятости в цифровом мире для безработных, лиц старшего возраста, людей с инвалидностью, женщин, воспитывающих детей дошкольного и школьного возраста. Однако в меньшей степени такие программы направлены на вовлечение населения малых городов, характеризующихся низкими показателями цифровизации, малоимущих граждан. Отчасти, это объясняется отсутствием «спроса» на локальном уровне, что, на наш взгляд, обусловлено взаимодополняющими факторами – низким уровнем вовлеченности социально-уязвимых групп в цифровое пространство, цифровым регионализмом и отсутствием системы софинансирования, целевого бюджетного обучения для данных граждан. Маловероятно, что безработный житель деревни в экономически-депрессивном регионе сможет оплатить сетевое обучение в Университете 2035 при средней стоимости 50 000–70 000 рублей и прожиточном минимуме 12 180 рублей, даже несмотря на компенсацию от государства. Отсюда вытекает необходимость расширения льготных программ обучения с учетом материального положения и локального фактора, в совокупности с развитием цифровой среды регионов, малых городов и деревень; развитие доступности «цифрового» рынка труда и возможностей самореализации на этом рынке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / CONCLUSION

Решение проблемы цифрового неравенства автору видится в комплексе взаимодействий, где университеты становятся одним из стейкхолдеров в выравнивании доступа населения к социально-экономическим ресурсам, обеспечении равных возможностей и достойного уровня жизни, личной самореализации граждан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александрова Т.В. (2019). Цифровое неравенство регионов России: причины, оценка, способы преодоления // Экономика и бизнес: теория и практика. № 8. С. 9–12. <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2019-11101>
- Баннх Г.А. (2020). Цифровой капитал региона как условие его конкурентоспособности в современной экономике // Сборник докладов XIV Международной конференции «Российские регионы в фокусе перемен», Екатеринбург, 14–16 ноября, 2019 г. Екатеринбург: УМЦ УПИ. С. 674–676.
- Василенко Л.А. (2018). Public value management и цифровое государство – значимые тенденции развития системы государственного управления // // Сборник статей международной конференц-сессии «Государственное управление и развитие России: вызовы и возможности». Т. 1. / под общ. ред. Г.Ю. Ивлевой. М.: Издательский дом «Научная библиотека», 2018. С. 149–155.
- Василенко Л.А., Зотов В.В. (2020). Цифровизация публичного управления в России: риски, казусы, проблемы // Цифровая социология. Т. 3, № 2. С. 4–16. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2020-2-4-16>
- Василенко Л. А., Мещерякова Н. Н. (2021). Социология цифрового общества: монография. Томск: Изд-во ТПУ, 2021. 226 с.

Воеводина Е.В. (2019). Становление российской магистратуры: как реализуются запросы цифровой экономики в образовательном процессе // *Цифровая социология*. Т. 2, № 3. С. 16–24. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2019-3-16-24>

Грошев И.В., Краснослободцев А.А. (2020). Цифровизация и креативность российских регионов // *Социологические исследования*. 2020. № 5. С. 66–78.

Кастельс М. (2000). Информационная эпоха: экономика, общество и культура/ пер. с англ.; под науч. ред. проф. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 608 с.

Мау В.А. [ред.]. (2020). Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России. М.: ИПК Парето-Принт. 744 с.

Мещерякова Н.Н., Роготнева Е.Н. (2021). Цифровизация: новые риски для людей с инвалидностью. Постановка проблемы // *Цифровая социология*. Т. 4, № 3. С. 44–52. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-3-44-52>

Стрекалова Н.Б. (2019). Риски внедрения цифровых технологий в образовании // *Вестник Самарского университета. История. Педагогика. Филология*. Т. 25, № 2. С. 84–88. <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-84-88>

Щеглов П.Е., Никитина Н.Ш. (2003). Качество высшего образования. Риски при подготовке специалистов // *Университетское управление: практика и анализ*. № 1 (24). С. 46–59.

David S.A. (2018). The relationship between the third mission and university ranking: exploring the outreach of the top ranked universities in BRICS countries // *The Third University Mission International Conference*. Режим доступа: https://mosiur.org/files/conference_proceedings_2018/Third_mission_and_university_ranking_Solomon_A._David.pdf (дата обращения: 23.11.2021).

Marhl M., Pausits A. (2011). Third mission indicators for new ranking methodologies // *Evaluation in Higher Education*. V. 5, No.1. Pp. 43–64. <https://doi.org/10.6197/EHE.2011.0501.03>

Parker.T.D. (2018). What kind of Universities does society need? // *The Third University Mission International Conference*. Режим доступа: https://mosiur.org/files/conference_proceedings_2018/What_Kind_of_Universities_Does_Society_Need_Thomas_D._Parker.pdf (дата обращения: 23.11.2021).

Zomer A., Bennenworth P. (2011). The rise of the University's Third Mission // *Reform of Higher Education in Europe*. Rotterdam: Sense Publishers. Pp.81–101. https://doi.org/10.1007/978-94-6091-555-0_6

REFERENCES

Alexandrova T.V. (2019), “Digital divide regions of Russia: causes, score, ways of overcoming”, *Economics and business: theory and practice*, no. 8, pp. 9–12. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2019-11101>

Bannykh G.A. (2020), “Regional digital capital as a condition for its competitiveness in the modern economy”, *Proceedings of the XIV International Conference “Russian Regions in the Focus of Change”*, Yekaterinburg, November 14–16, 2019, UMC UPI, Yekaterinburg, Russia, pp. 674–676. (In Russian).

Castells M. (2000), *The information age: Economy, society and culture*, trans. from Eng., ed. by prof. O.I. Shkaratan, HSE, Moscow, Russia. (In Russian).

David S.A. (2018), “The relationship between the third mission and university ranking: exploring the outreach of the top ranked universities in BRICS countries”, *Web site of The Third University Mission International Conference*. Available at: https://mosiur.org/files/conference_proceedings_2018/Third_mission_and_university_ranking_Solomon_A._David.pdf (accessed 23.11.2022).

Groshev I.V. and Krasnoslobodtsev A.A. (2020), “Digitalization and creativity of Russian regions”, *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 5, pp. 66–78. (In Russian).

Marhl M. and Pausits A. (2011), “Third mission indicators for new ranking methodologies”, *Evaluation in Higher Education*, vol. 5, no. 1, pp. 43–64. <https://doi.org/10.6197/EHE.2011.0501.03>

Mau V.A. [ed.]. (2020), *Society and pandemic: Experience and lessons from COVID-19 fighting in Russia*, IPK Pareto-Print LLC, Moscow, Russia. (In Russian).

Meshcheryakova N.N. and Rogotneva E.N. (2021), “Digitalization: new risks for people with disabilities. Problem statement”, *Digital Sociology*, vol. 4, no. 3, pp. 44–52. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-3-44-52>

Shcheglov P. and Nikitina N. (2003), “The quality of higher education. Risks in the training of specialists”, *University management: practice and analysis*, no. 1 (24), pp. 46–59. (In Russian).

Strekalova N.B. (2019), “Risks of digital technologies implementation into education”, *Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, philology*, vol. 25, no. 2, pp. 84–88. (In Russian). <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-84-88>

Parker.T.D. (2018), “What kind of Universities does society need?”, *Website of the The Third University Mission International Conference*. Available at: https://mosiur.org/files/conference_proceedings_2018/What_Kind_of_Universities_Does_Society_Need_Thomas_D._Parker.pdf (accessed 23.11.2022).

- Vasilenko L.A. (2018), “Public value management and the digital state – significant trends in the development of public administration”, *Proceedings of the International Conference Session: Public administration and development of Russia: challenges and opportunities*, vol. 1, ed. G.Yu. Ivleva, Scientific Library, Moscow, Russia, pp. 149–155. (In Russian).
- Vasilenko L.A. and Zotov V.V. (2020), “Digitalization of public administration in Russia: risks, casuses, problems”, *Digital Sociology*, vol. 3, no. 2, pp. 4–16. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2020-2-4-16>
- Vasilenko L.A. and Meshcheryakova N.N. (2021), *Sociology of the digital society: monograph*, Tomsk Polytechnic University Publ. House, Tomsk, Russia. (In Russian).
- Voevodina E.V. (2019), “Formation of Russian magistracy: implementation of the digital economy requests in the educational process”, *Digital Sociology*, vol. 2, no. 3, pp. 16–24. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2019-3-16-24>
- Zomer A. and Benneworth P. (2011), *The rise of the University's Third Mission*, Reform of Higher Education in Europe, Sense Publishers, Rotterdam, Netherlands, pp. 81–101. https://doi.org/10.1007/978-94-6091-555-0_6